

УДК 811.161.1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПРОНОМИНАТИВОВ КАК ОБЪЕКТ
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЖАКТАМА АТ АТООЧТОРДУН КЕЛИП ЧЫГЫШЫ САЛЫШТЫРМА –
ТИПОЛОГИЯЛЫК ТИЛ ИЛИМИНИН ОБЪЕКТИСИ КАТАРЫ
THE ORIGIN OF PERSONAL PROS AS AN OBJECT COMPARATIVE
TYPOLOGICAL LINGUISTICS

Зулнукарова Аида Капаровна

*преподаватель кафедры американистики и переводоведения
Ошский государственный университет*

aidakaparovna@gmail.com

Талипова Сахида Эргеибаевна

*Студент 3 курса филологического факультета
Ошский государственный университет*

tu.amor9898@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена характеристике основных теорий происхождения личных прономинативов в языках различного строя. Показано, что этот разряд лексем относится к числу исходных, устойчивых, универсальных и самых продуктивных элементов лексической системы языка. Установлены общие типологические черты местоимений в возникновении, развитии и функционировании.

Аннотация: Макалa түрдүү түзүлүштөгү тилдердин жактама ат атоочторунун келип чыгышы жөнүндөгү негизги теорияларды мүнөздөөгө арналат. Анда тилдин лексикалык системасында сөздөрдүн бул тобунун алгачкы, туруктуу, универсалдуу жана эң көп колдонгон элементтерине кошуларлыгы көрсөтүлдү. Ат атоочтордун пайда болушундагы, өнүгүшүндөгү жана колдонушундагы жалпы типологиялык касиеттер аныкталды.

Annotation: The article is devoted to the characterization of the main theories of the origin of personal pronominations in the languages of various systems. It is shown that this category of lexemes is one of the original, stable, universal and most productive elements of the lexical system of the language. Established common typological features of pronouns in the emergence, development and functioning.

Ключевые слова: прономинативы, личные местоимения, происхождение местоименных слов, дейктические частицы, указательное поле, эгоцентризм.

Ачык сөздөр: прономинативдер, жактама ат атоочтор, ат атооч сөздөрдүн келип чыгышы, дейктикалык бөлүкчөлөр, шилтеме алкак, эгоборбордуулук.

Key words: pronominations, personal pronouns, the origin of pronouns, deictic particles, indicative field, egocentrism.

Проблема возникновения местоименных слов истари привлекала внимание историков и теоретиков языка. Языковеды единодушны в мнении о том, что дейксис и дейктические частицы являются исходной основой возникновения языка. К.Бругманн специфику дейктического поля усматривал в том, что первобытные люди смотрели на окружающий мир с позиции своего «я», разделяя его видимую часть на сферы по расстоянию и указывая на них с помощью звуков вместо пальца. Первоначально эти языковые жесты относились, как он отмечает далее, только к видимым объектам в

сопровождении с указующими жестами [5, с. 61-62]. Такое понимание исхода языка разделяется многими учеными, поэтому указательные и личные местоимения, восходящие к первичным дейктическим частицам, считаются древнейшими, базовыми элементами языка.

По поводу того, какие из первоэлементов языка – указательные или личные местоимения – являются первичными, существует несколько точек зрения.

1. Некоторые лингвисты (Л. Грей, М. Бреаль, Э. Кассирер и др.) убеждены в том, что древнейшей категорией слов в языке могли быть только личные местоимения. В поле зрения первобытного человека доминировало противопоставление «Я – не-я», послужившее психологической, логико-смысловой и речевой основой формирования значений «я», «ты», «он» и возникновения соответствующих указаний.

2. Другие ученые (К. Бругманн, Б. Дельбрюк, Ф. Фаркаш, П.Форхеймер и др.), наоборот, предполагают, что самыми древними местоимениями были указательные, именно от них происходят личные. По их мнению, указательные и личные местоимения имеют общие корни и основы, общую сферу указания, переходные и промежуточные (т.е. лично-указательные) единицы.

3. Третья группа лингвистов не разделяет мнения своих предшественников, считая их доводы недостаточно убедительными. Такие лингвисты, как К. Бюлер, В. Чермак, В. Таули и др., выдвигают и обосновывают гипотезу о том, что до возникновения личных и указательных местоимений был период, когда в первобытном языке еще не было этих разрядов слов, а общение осуществлялось с помощью элементарных дейктических частиц, обслуживающих локальные участки общения: «здесь-не-здесь», «сейчас – потом», «Я – не-я» и т.д., которые и могли быть родоначальниками как указательных, так и личных местоимений.

4. Особой и более гибкой точки зрения придерживается специалист по типологии местоимений К.Е. Майтинская. Она считает, что резко противопоставлять два разряда современных местоимений друг другу нельзя, а необходимо дифференцированно подходить к определению путей их формирования. Вероятно, исходные указательные частицы послужили основой возникновения прономинативов различных сфер: 1) «я», «здесь», «сейчас»; 2) «ты», «там», «тогда», «потом», которые в процессе развития языка привели к дифференциации указательных и личных местоимений 1-го и 2-го лиц. Возникновение же местоимений 3-го лица произошло уже после оформления указательных местоимений и на их основе под требованием прагматики общения: «говорящий – слушающий – неучастник (предмет) речи» [6, с.196-197]. Личные местоимения и их роль в языке неоднородны. Местоимения 1-го и 2-го лица существенно отличаются от местоимений 3-го лица. Кроме того, личные местоимения 1-го и 2-го лица по своим языковым функциям более резко отличаются от указательных местоимений, чем личные местоимения 3-го лица. Как справедливо пишет К.Е. Майтинская, «При помощи личных местоимений 1-го и 2-го лица указывается на **самого** говорящего или на **самого** собеседника, в то время как с помощью соответствующих указательных местоимений может быть указано только на **сферу** говорящего или на **сферу** собеседника» [6, с.196]. Кроме того, в отличие от указательных местоимений личные местоимения 1-го и 2-го лица не могут замещать существительные (хотя и употребляются только для указания на субстантивные денотаты) и могут относиться только к людям, если не считать случаи олицетворения, когда животные и неодушевленные предметы наделяются человеческими свойствами (чувствами, мыслями, речью и т.п.).

На этом основании К.Е. Майтинская приходит к выводу о том, что специфические, чисто языковые особенности в функции личных местоимений 1-го и 2-го лица способствовали более раннему оформлению слов этих категорий по сравнению с

местоимениями 3-го лица [6, с.196]. Именно поэтому понятно, почему во многих языках прономинативы 3-го лица еще недостаточно оформлены, их функции выполняются указательными местоимениями, дифференцируемыми по расстоянию (по степеням дальности), по видимости-невидимости, по высоте-низости относительно говорящего и т.д.

Исследователи происхождения личных местоимений отмечают их **этимологическую связь с указательными** (К. Бругман, К. Бюлер и др.), что подтверждается многочисленными неопровержимыми доказательствами.

Любопытные факты выявляются в тюркских языках, которые отличаются сравнительно простой системой личных местоимений 1-го и 2-го лица. Большинство личных местоимений 1-го лица в любом из тюркских языков начинается с звука **м-**, 2-го лица – с звука **с-** : 1) крым.-тат., туркм., сарыг-югур., шор., тув., тофал., каз., кара-калп., узб., карач.-балк., ног., кум., караим., кырг., алт., салар. **мен** «я», тат., башк., хак., як. **мин** «я», аз., хорас., уйг., чул. **мйн** (хорас. **мин/мен/ман**) «я», но ср. чув. **эпе**, тур. **веп**, гаг. **вйн** «я»; 2) тур., крым.-тат., туркм., сарыг-югур., тув., тоф., шор., каз., кара-калп., карач.-балк., ног., кум., караим., кырг., алт., салар., узб. **сен** «ты», аз., гаг., хорас., уйг., чулым. **сйн** «ты», чув. **йсе**, тат., хак. **син**, башк. **һин**, як. **ен** «ты» [4, с.8; 3, с.208]. Такое единообразие личных местоимений 1-го и 2-го лица позволяет говорить о их первичности относительно форм 3-го лица и реконструировать архетип в виде ***ме-** и ***се-**, считая конечное **-н** вторичным по происхождению. А формы 3-го лица не обладают таким единообразием звукового облика: кырг. **ал** (**ан-**), хакас., шор. **ол** (**ан-**), аз., алт., гагауз., казах., кара-калп., ног., кумык., тур., туркм. **ол** (**он-**), тув. **ол** (**он-, ан-, ын-**), тат. **ул** (**ан-**), башк. **ул** (**ун-**), узб., уйг. **у** (**ун-**), чув. **вал** (**ун-, ан-**), якут. **кিনি**. В скобках даны основы форм косвенных падежей [3, с.209].

Тюркологи не без основания пишут о позднем происхождении местоимений 3-го лица и вероятности возведения их к указательным местоимениям, находя аналоги в монгольских, индоевропейских и других языках.

Личные местоимения тюркских языков этимологически соотносительны с указательными. Почти во всех языках на ближайшие к говорящему предметы указывают местоимения **бу/бы/бо/ну/но** и **мынау/бынау/мобу** /**мынабу**, сходные с личным местоимением 1-го лица по звуковому облику и близкие к ним по значению, а на сферу слушающего указывают местоимения на **с-** и **ш-** (каз. **со** /**сол**, **сонау**, кара-калп. **со** /**сол**, **усы** «это самое», ног. **сол**, тур., туркм., уйг. **шу**, татар. **шушы**, **шул**, кырг. гов. **шу** / **шул**, лит. **ушу** / **ушул** и др. «во то самое»), которые допускают сравнение с личным местоимением 2-го лица [3, с.247-248]. Чередование **с-** /**ш-** продуктивно почти во всех языках Евразии, поэтому этимологическая идентичность личных и указательных местоимений на **с-** /**ш-** не должно вызвать серьезных возражений. Встречающиеся в тюркских языках демонстративы на **т-** тоже интересны с точки зрения компаративистики: алт. **ту** «вон то», якут. **ити** «вот это», тув. **дъь**, **доо**, **дүү**, **дуу** «то», кырг., шор., хакас. **тиги** / **тигил** «то», башк., тат. **теге** «то» и др. сравнимы с местоимениями с основами **ti-/te-** в других языковых семьях.

В угрофинских языках личные местоимения 1-го лица имеют в анлауте звук **т-**, а личные местоимения 2-го лица – звуки **т-**, **с-** или **п-**: фин. **minä** «я» – **sinä** «ты», эст. **mina/ma** «я» – **sina/sa** «ты», карел. **mie** «я» – **sie** «ты», ижор. **miü** «я» – **siü** «ты», вод. **miü** «я» – **siü** «ты» [7, IV, с.47, 69, 108, 125]; морд., удм. **мон** «я» – **тон** «ты», коми **ме** «я» – **те** «ты», мар. **мый** «я» – **тый** «ты», саам. **монн/мунн** «я» – **тон** «ты»; хант. **ма** «я» – **наң** «ты», манс. **ам** «я» (**ан-**) – **наң** «ты» и др., [7, III, с.47, 69, 108, 125, 230, 269, 291, 329, 358], которые имеют аналоги в тюркских личных и указательных местоимениях.

Этимологическая связь личных и указательных местоимений выявляется в самых различных языках и языковых семьях – в индоевропейских, семитохамитских, кавказских

(абхазо-адыгских, картвельских, дагестанских, чечено-ингушских), индейских и других группах языков [6, с.200-203]. В них обнаруживается тождественность личных местоимений 3-го лица указательным местоимениям с точки зрения этимологии [6, с.204].

В латыни «было пять типов указательных ... местоимений: *hic* «этот», соответствовавшее 1-му лицу; *iste* «этот, тот» – 2-му лицу; *ille* «тот» – 3-му лицу; кроме того, широко употреблялись во всех падежах *is* «этот» и *ipse* «сам», указывавшие на тождество» [1, с.86]. В этом утверждении особо подчеркивается смысловая соотносительность указательных и личных прономинативов.

Сравнение фактов языков различных семей и типов позволяет сделать вывод о том, что личные местоимения 1-го лица произошли от дейктической частицы на звук *m-*, чередующиеся с звуками *b-*, *w-*, *p-* (по признаку губности), а личные местоимения 2-го и 3-го лиц – от разных частиц, имеющих в аналауте звуки *s-*, *t-*, *n-*, *k-*, *l-* со значениями «ты», «этот /это /эта», «тот /то /та» и т.д. и получивших впоследствии специализированные функции. Общеиндоевропейское местоимение 1-го лица без начального *m-* (лат. *ego* «я», авест. *azam* «я», ст.-сл. *azь* «я» и др.) является поздним образованием, возникшим для обособления говорящего в роли субъекта и производителя речи.

Развитие первичных дейктических частиц, вероятно, шло по двум направлениям. Первое направление вело их к образованию личных местоимений, другое – к образованию указательных. Частицы, от которых впоследствии развились личные местоимения, распределялись и по указанию на простые степени расстояния, и по указанию на сферы по участию в общении. Возможно, одна из первичных дейктических частиц была представителем указания на сферу «я» (т.е. говорящего), другая частица была представителем указания на сферу «ты» (т.е. собеседника), третья частица – представителем указания на сферу «тот» (т.е. на удаленное расстояние, на отсутствующий предмет речи). Так могло быть в одном языке-предке. А что касается фактов многих отдаленно родственных языков, мы можем предположить существование такого языкового состояния, когда сферы «ты», «этот», «тот» и другие четко не разграничивались и для указания на эти сферы существовали параллельно употребляемые частицы на *s-*, *t-*, *n-*, *l-*, *k-* и др., которые, сужаясь и конкретизируясь в своих значениях, специализировались в функциях, выражая указания на собеседника, на ближайшие, удаленные и отсутствующие предметы и лица. Мысль о единых корнях местоимений 2-го и 3-го лица подтверждается тем, что в языках мира корни на *s-*, *t-*, *n-* и другие употребляются как в значении «ты», так и в значениях «он, она, оно», «тот, та, то» и т.д., например, в алеутском языке «местоимение *тин* «ты» употребляется также в значении 3-го лица» [7, V, с.394]. Идея о происхождении личных местоимений 2-го и 3-го лица в семитохамитских языках из древнейших указательных частиц глубоко обосновывается Б.М. Гранде в классическом труде «Введение в сравнительное изучение семитских языков» [2, с.197-203], где приводятся и обсуждаются примеры также из хамитских языков (хауса, бедауйе, фул, сомали, шильх и др.).

Личные местоимения не-единственного числа образованы в результате сложения первичных основ ед. числа. Структура прономинативов дв. и мн.ч. в различных языках мира подтверждают эту гипотезу. Противопоставление номинативных и косвенных форм в склонении личных местоимений объясняется стремлением говорящего выделить свое собственное эго. Дифференциация инклюзивных и эксклюзивных форм личных местоимений 1-го лица тоже естественно мотивируется развитием и сложением первичных дейктических частиц.

Список литературы

1. Бурсье, Э. Основы романского языкознания / Пер. с франц. Т.В. и Е.В. Вентцель. – М.: Изд. ИЛ, 1952. – 672 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
3. Исхаков, Ф.Г. Местоимения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.– Ч.2. Морфология. – М., 1956 – С. 208-262.
4. Лиз, Р.Б. Об одном способе экономного описания показателей лица и числа в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. – М.: Прогресс, 1987. – С. 219-244.
5. Майтинская, К.Е. К происхождению местоименных слов в языках разных систем // Вопр. языкознания. – 1966. - № 1. – С. 15-25.
6. Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
7. Языки народов СССР: В 5 томах. Том III. Финно-угорские и самодийские языки / отв. ред. В.И. Лыткин и К.Е. Майтинская. – М.: Наука, 1966. – 463 с.; Том IV. Иберийско-кавказские языки / отв.ред. Е.А. Бокарев и К.Е. Ломтатидзе. – М.: Наука, 1967. – 712 с.; Том V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки / отв. ред. П.Я. Скорик. – М.: Наука, 1967. – 524 с.